

АЛЕНА
Баженова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ

Рецепт

НА СЧАСТЬЕ

Любовь
исцеляет

Алёна Баженова

После измены. Рецепт на счастье

«Автор»

2026

Баженова А.

После измены. Рецепт на счастье / А. Баженова — «Автор», 2026

– Лен, ну ты чего? – говорит соседка, будто ничего не произошло. – Мы же все взрослые люди. И понимаем, что такое бывает. – Что бывает? Измена? Предательство? – сжимаю кулаки. – Ой, ну и зачем такими словами бросаться? – отвечает с усмешкой и отступает на шаг. – Это просто... помощь. Понимаешь? У тебя есть мужик, а у меня мужика нет. Мой в командировках вечно. А твой... голодный. Ты же на работе всё время. – То есть я тебе ещё и спасибо должна сказать? – цежу сквозь зубы. Я застала мужа с соседкой на нашем старом бабушкином столе. В своей квартире. В тот вечер рухнуло всё — брак, доверие, семь лет жизни. Теперь у меня нет мужа. Зато есть гордость, злость и желание начать всё сначала. Главное — не влюбиться снова.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	26
Глава 10	29
Г	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алёна Баженова

После измены. Рецепт на счастье

Глава 1

Я вставила ключ в замок и с третьего раза его провернула.

Старая дверь, старый замок, старая жизнь. Серёжа обещал смазать ещё месяц назад. Серёжа много чего обещает. Например, что мы съездим летом на море. Или что он поможет мне с уборкой в выходные. Или что больше не будет задерживаться в офисе допоздна.

Я так устала, что ноги гудели.

Смена закончилась в девять, хотя должна была в восемь. Но у нас никогда не бывает, чтобы в восемь. То карты допиши, то Надьку подмени – у неё дочка заболела. То главврач под вечер явится с проверкой. А напоследок привезли бабушку с инсультом, тяжёлую, пришлось возиться с капельницами, успокаивать родственников, писать кучу бумажек.

Надька, когда я уходила, сунула мне в руки пакет с продуктами – я просила её купить по дороге, потому что сама забежать в магазин уже не успевала. Молоко, хлеб, сырки Серёжины любимые – глазированные, с ванилью. Он их ест, когда хочет себя побаловать. Я подумала: приду, разогрею ужин, он обрадуется, может, даже обнимет. Мы давно не обнимались.

Я зашла в подъезд, втащила пакет на третий этаж.

Открыла дверь.

И услышала.

Сначала я не поняла. Просто звуки. Какие-то всхлипы, вздохи. И скрип. Дребезжащий, противный скрип. Я подумала – телевизор. Или соседи. У нас тонкие стены.

Я сняла сапоги. Поставила пакет на пол в прихожей. И пошла в комнату.

Звуки стали громче.

Женский голос. Тяжёлое дыхание. И этот дурацкий скрип – ритмичный, как метроном.

Я завернула за угол.

И остановилась.

Я смотрела и не понимала, что я вижу.

Комната. Наш старый стол – бабушкин, советский, с облупившимся лаком. Мы вытаскиваем его на каждый праздник, а в остальные дни там стоит Серёжин ноутбук. Стол стоит обычно у стены, но сейчас его выдвинули на середину. И на этом столе – женщина.

Соседка Света.

Я узнала её сразу, хотя видела только ноги. Полные белые ноги, раздвинутые широко, задранные вверх, закинута на плечи мужчине. Света из двадцать пятой квартиры. Жена военного, который постоянно разъезжал по командировкам. Вечно в декольте, вечно с сигаретой на лестнице, вечно одалживает соль и сахар. Мы с ней здороваемся, когда встречаемся у лифта.

Сейчас она не здоровалась.

Она лежала на моём столе, запрокинув голову, с открытым ртом, и стонала. Её губы ярко накрашенные, припухшие, с размазанной помадой сейчас вызывающе блестели.

Она стонала громко, не стесняясь, как в порно. А мужчина между её ног вбивался в неё с такой силой, что стол ходил ходуном.

Мужчина был мой муж – Серёжа.

Я смотрела на его спину. На его голубую офисную рубашку – ту, что я гладила позавчера. Рубашка была расстёгнута, болталась на плечах. Галстук съехал набок.

Я видела, как двигаются его ягодичы, как напрягаются мышцы на ногах. Я никогда не видела его таким. В постели со мной он всегда был... аккуратным. Боялся сделать больно, боялся сделать что-то не так. Я ещё частенько в мыслях смеялась над его аккуратностью. Иногда хотелось, чтобы он был пожёстче. А тут...

Тут он трахал.

По-настоящему. Жёстко. С рыком.

– О да... Серёжа... – стонала Света, и её голос был как пощёчина.

Я стояла в дверях и не могла пошевелиться.

Я смотрела, как мой старый бабушкин стол скрипит под ними. Ножка у него давно шаталась – я говорила Серёже починить. Не починил. И сейчас стол перекосялся, жалобно дребезжал, но держался. Чудом держался.

Глупая мысль стучала в голове: *он же сломается, старый, не выдержит такого веса...*

Света открыла глаза.

Сначала она смотрела в потолок, потом скосила взгляд в сторону двери. Увидела меня.

– Ох... – выдохнула она. – Сереж... Сереж, стой...

Он не сразу понял. Продолжал двигаться. Я видела, как дёрнулись его бёдра.

– Да стой ты! – Света толкнула его в грудь.

Он обернулся.

И наши глаза встретились.

Я смотрела на его лицо. Красное, потное, с припухшими губами. На его похотливые глаза, затуманенные страстью. Я смотрела, как меняется это лицо. Сначала удовольствие сменилось удивлением, а потом появилось осознание.

И как итог – знакомая маска «ничего не случилось». Он её надевает, когда косячит на работе, и пытается отмазаться перед начальником.

– Лен... – сказал он, севшим голосом. – Ты это... рано сегодня...

– Рано? – я подняла бровь. – Да нет. Не рано. Наоборот, на два часа задержалась.

Глава 2

Он замер. Света под ним тоже замерла. И в этой внезапной тишине я услышала, как тикают часы на кухне. И как капает вода в ванной – кран опять течёт, Серёжа обещал починить месяц назад.

Света первой пришла в себя.

Она неуклюже сползла со стола, напоминая выкинутого на берег тюленя. Стол жалобно скрипнул напоследок и окончательно завалился на подломившуюся ножку. Света охнула, едва не упав, схватилась за край.

– Твою мать... – пробормотала она.

Я смотрела, как она шарит по полу в поисках халата. Нашла, накинула на плечи, запахнулась. Халат был короткий, шёлковый, розовый – я такой видела в рекламе дешёвого белья. На Свете он смотрелся вызывающе. Она поправила волосы, откинула их назад, накрашенные губы кривились в попытке улыбнуться.

– Лен... – начала она.

– Заткнись, – сказала я.

Но она не замолчала.

– Лен, ну ты чего? – она говорила легко, будто сейчас ничего не произошло. Всегда поражалась такому умению людей вести себя как ни в чём не бывало, несмотря ни на что. – Мы же все взрослые люди. И понимаем, что такое бывает.

Серёжа тем временем суетливо натягивал трусы. Я краем глаза увидела его член – стояк ещё не прошёл, торчал глупо и жалко. Он прятал его, отворачивался, а я смотрела и думала: *сволочь. Мразь. Как только совести хватило привести её в наш дом?*

– Что бывает? – спросила я, сжимая кулаки. – Что именно бывает, Света?

– Ну... – она повела плечом, халат сполз, открывая плечо. – Вот это.

– Измена? Предательство? Ты про это? – я шагнула к ней.

– Ой, ну и зачем такими словами бросаться? – она отступила на шаг, но улыбку не убрала.

– Это просто... помощь. Понимаешь? У тебя есть мужик, а у меня мужика нет. Мой в командировках вечно. А твой... голодный. Ты же на работе всё время.

Я остановилась.

– Голодный? – переспросила я. – А ты что, борщом его накормила?

Света фыркнула. Даже засмеялась. Серёжа за её спиной натягивал джинсы, прыгал на одной ноге и выглядел так по-дурацки, что меня чуть не стошнило.

– Ну, – Света повела бёдрами, поправляя халат, – это не борщ. Даже лучше борща.

Она сделала паузу, глядя мне в глаза. Нагло. С вызовом.

– Мужики все гуляют. Уверена, и мой в командировках имеет, и не одну. Так бы ты и не знала с кем он спит. А так знаешь, что со мной. Мне-то ты можешь доверять, я кроме мужа своего... и Серёжи больше ни с кем.

И тут во мне что-то оборвалось.

Совсем.

Та пустота, которая была внутри, вдруг заполнилась обжигающей злостью. Она поднялась во мне, как лава в вулкане. Я даже не поняла, как сделала шаг. Потом ещё один. Света перестала улыбаться, попятилась, но поздно.

Я схватила её за волосы.

Они были мягкие, шёлковые, пахли дорогим шампунем. Я намотала их на кулак и потащила в коридор. К двери.

– Лена! Ты с ума сошла! – заверещала Света, хватаясь за мои руки, пытаюсь вырваться.
– Пусти! Больно же!

– Накормила моего мужа? – цедила я сквозь зубы, таща её к выходу. – Значит, накормила?
Иди теперь корми своими подачками других! Сука!

Я толкнула её в прихожую. Она споткнулась о мои сапоги, влетела спиной в вешалку, сбита чью-то куртку. Халат распахнулся, она оказалась почти голая, с яркими следами на бёдрах – там, где Серёжа её тискал.

– Серёжа! – заорала она. – Сделай что-нибудь!

Он вылетел из комнаты, джинсы были уже надеты, но не застёгнутые, рубашка болталась, лицо красное.

– Лена! Ты что, совсем с ума сошла? – заорал он на меня. Впервые за семь лет он на меня орал. Из-за неё. Из-за этой дешёвой, вульгарной, наглой...

Я шагнула к Свете. Она отскочила к двери, нащупала ручку, распахнула её.

– Психопатка! – выдохнула она уже с лестничной клетки. – Сереж, я позвоню! Ты это... разберись с ней! я ещё и в суд и за побои на тебя напишу. Тоже мне, мегера недорожденная.

И выскочила.

Я повернулась к Серёже.

Он стоял, тяжело дыша, смотрел на меня с осуждением и качал головой. Как будто это я сейчас перед ним провинилась.

– Ты зачем это сделала? – спросил он. – Зачем людей позоришь? Она же соседка! Теперь весь дом будет знать!

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

– Людей? – переспросила я. – Позорю?

– Ты бы видела себя со стороны! Просто истеричка какая-то!

Я сделала шаг к нему. Он отступил.

– Иди, – сказала я тихо. – Вали к ней.

– Что?

– Вали отсюда. К своей Свете. К её халявному борщу, который лучше моего. Вали, Серёжа.

Он открыл рот, закрыл. Посмотрел на меня, потом на дверь, потом опять на меня.

– Лен, ну не дури. Давай поговорим спокойно.

– Спокойно? – я засмеялась. Смех вышел какой-то истеричный. – Ты трахал её на моём бабушкином столе, Серёжа. В нашей квартире. И хочешь поговорить спокойно?

Он молчал.

– Иди, – повторила я. – Прямо сейчас. Или я не знаю, что с тобой сделаю.

Он посмотрел на мои руки. Они дрожали. Кулаки сжимались и разжимались.

– Ты пожалеешь, – сказал он, застёгивая джинсы. – Я приду, когда ты остынешь, и мы поговорим.

– Не приходи, – ответила я. – Я тебя больше видеть не хочу.

Он хмыкнул, подхватил куртку с вешалки и вышел.

Дверь хлопнула.

Я осталась одна.

В прихожей горел свет. На полу валялась Светина заколка – блестящая, дурацкая, с розовым стразиком.

Я смотрела на всё это и не понимала, что делать дальше.

Потом ноги подкосились. Я сползла по стене на пол. Села, обхватила колени руками.

И заплакала.

Впервые за долгое время – в голос, навзрыд, как ребёнок.

– Дура, – шептала я. – Какая же я дура.

Глава 3

Я не знаю, сколько просидела на полу в прихожей.

Слёзы закончились, я была вымотана. Остались только всхлипы, судорожные, как у ребёнка, который никак не может успокоиться. Я сидела, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрела на Светину заколку. Розовый стразик блестел под светом лампочки, напоминал о том, что всё это было на самом деле.

Не страшный сон, не галлюцинация от усталости.

Потом я перевела взгляд на часы в телефоне. Половина двенадцатого. Я просидела так больше часа.

Телефон вибрировал. Раз за разом.

Я смотрела на экран, на его дурацкую фотку – мы на море три года назад, он смеётся, я целую его в щёку. Тогда всё ещё было хорошо. Или мне только казалось?

Семнадцать пропущенных. Пять голосовых сообщений.

Я нажала на первое, просто чтобы понять, что он там говорит.

«Лен, ну ты чего трубку не берёшь? Не могу же я у Светы оставаться. Ты не права была вообще, зачем на неё кидаться? Она женщина беззащитная...»

Я выключила недослушав.

Беззащитная. Эта корова с раздвинутыми ногами на моём столе – беззащитная.

Второе сообщение.

«Ладно, Лен, я вернусь завтра. Ты остынь пока. Мы решим всё. Ну подумаешь, переспал. Ты моя жена, это главное.»

Третье, четвёртое, пятое – одно хлеще другого. Где-то он требовал, где-то угрожал, где-то пытался жалеть.

Я нажала «удалить всё». Телефон противно пиликнул, подтверждая.

Потом зашла в настройки и вырубил звук вообще. Пусть орёт сколько влезет.

Я встала. Ноги затекли, в спине стрельнуло.

Пошла в ванную.

Разделась, глядя на себя в зеркало. Уставшее лицо, красные глаза, синяки под глазами – мои вечные спутники.

Я влезла под душ. Горячая вода обожгла кожу, но я сделала ещё горячее. Чтобы больно. Чтобы перебить ту боль, которая внутри.

Стояла под струями, смотрела, как вода стекает по телу, и думала.

Думать было невыносимо, но я заставила себя.

Мне двадцать семь лет. Мы с Серёжей вместе семь лет. Поженились сразу после школы – молодые, глупые, влюблённые. Родители тогда крутили пальцем у виска, а мы были счастливы. Снимали квартиру, я училась в медицинском, он работал курьером. Потом я пошла работать медсестрой, он дорос до менеджера. Жизнь налаживалась.

Ребёнка хотели. Но всё время «некогда». Сначала учёба, потом работа, потом ипотека, потом ремонт. А теперь...

Я выключила воду. Стояла мокрая, смотрела в стену.

А теперь хорошо, что нет ребёнка.

От этой мысли стало легче. И тут же противно. Потому что, если бы был ребёнок, может, он бы и не посмел. Или посмел бы, но тогда хотя бы было ради чего жить.

А теперь я одна.

Я замоталась в полотенце, пошла на кухню. Заглянула в холодильник.

Я достала яйца, нарезала сыр, сделала себе омлет.

Есть не хотелось, просто понимала, что надо, потому что завтра на смену. Потому что нельзя опускать руки.

Ещё и завтра новый заведующий должен прийти.

Я вспомнила Надькино сообщение. Данил Андреевич. Молодой, строгий, из столицы. Завтра будет знакомиться с коллективом.

Я жевала безвкусный омлет и смотрела в окно. Там было уже темно, только фонарь светил во дворе. Когда успел пролететь день?

Под фонарём стояла машина – не наша, у нас нет машины. Чужая, красивая. У кого-то есть нормальная жизнь.

Я доела, вымыла посуду, потом легла. Надо было поспать. Ночь была беспокойной, ещё и этот стресс. Я давно уже для себя поняла, что самое лучшее лекарство – это сон. Но вот как раз он бежал от меня.

Я лежала на спине, смотрела в потолок и слушала тишину.

Мысли без конца в голове кружились.

Развод.

А я даже не знала, как это разводиться? Мы же никогда не ссорились, даже когда я уходила к Надьке на пару дней – я знала, что вернусь. А теперь...

Квартира без ипотеки – это плюс. Но её делить теперь надо. А как поделить однокомнатную? Только продавать. Вещи мне было не жалко... пусть забирает всё.

Документы. Заявление в ЗАГС. Свидетели. Стыдно-то как. Семь лет – и псу под хвост.

А вдруг он прав? Вдруг я правда много работаю? Вдруг я сама виновата? Надька вон говорит: мужика надо кормить не только ужином. А я уставала. Я всегда уставала.

Я перевернулась набок, сжимая подушку.

Нет. Не смей себя винить. Ты работала, чтобы у нас всё было, для семьи старалась.

А он... он просто захотел разнообразия. Свежего мяса. Света вон какая – пухленькая, губки бантиком, халатик нараспашку. Не то что я – вечно в форме, вечно уставшая.

Я зажмурилась, прогоняя картинку: Света на столе, её ноги на плечах Серёжи, его лицо...

Не думать. Не думать. Не думать.

Двадцать семь. Мне двадцать семь. Я ещё молодая. У меня работа, у меня друзья, у меня вся жизнь впереди.

И всё же ощущение было, что полжизни уже потеряла.

Мужики хотят молодых. Двадцатилетних. Свеженьких. Которые не ноют про усталость и не падают в кровать после смены.

Я снова перевернулась. Посмотрела на часы. Три ночи.

Спать. Надо спать. Завтра в семь вставать.

Я закрыла глаза.

Перед глазами опять встали Света и Сергей. Сколько ещё времени понадобится, чтобы забыть эту картину.

Уснула я под утро. Часов в пять, наверное.

Я очнулась от того, что солнце било прямо в глаза.

Шторы мы давно хотели поменять на плотные. Но так и не поменяли.

Я села на кровати, схватила телефон.

08:15.

Восемь пятнадцать.

– Твою мать, – выдохнула я.

Смена начинается в восемь. Сегодня же ещё и планёрка. Новый заведующий знакомится с коллективом.

А я здесь. Всё проспала!

Я вскочила, заметалась по комнате. Форма – вот она, поглажена с вечера. Колготки – порвались, чёрт, вторые – тоже порвались. Третьи нашлись, надеть. Халат, сменка, шапочка, бахилы в сумку.

Зубная щётка – три минуты. Лицо умыть – минута. Тональный крем – хоть как-то замазать синяки под глазами.

В зеркало я старалась не смотреть.

Восемь двадцать пять. Если бегом – минут двадцать пять. Значит, опоздаю на полчаса. Такси вызывать, так дольше ждать буду.

Я вылетела из квартиры, хлопнув дверь. В подъезде пахло сигаретами.

На улице шёл снег. Я бежала к остановке, скользила по лужам, молилась, чтобы автобус пришёл быстро.

Автобус, как назло, пришёл через десять минут. Втиснулась, поехала, глядя на часы каждую минуту.

08:50. Я выскочила на остановке и побежала к больнице. Я влетела в вестибюль, на ходу натягивая халат, поправляя шапочку.

На лифте долго, он только поехал вверх. Я рванула по лестнице. Третий этаж. Наше отделение.

Я вбежала в коридор и врезалась в мужчину. Его кофе выплеснулся, пролился на его рубашку и халат.

Я замерла.

Он посмотрел на себя, потом на меня.

– Вы, я так понимаю, Кузнецова? – спросил он ровным голосом. – Старшая медсестра терапевтического отделения?

Я сглотнула.

– Да.

– Очень приятно, – он даже не улыбнулся. – Данил Андреевич, новый заведующий. А вы, Елена Васильевна, опоздали на час. И, кажется, только что испортили мне рубашку.

Я стояла, сжимая в руках сумку, и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Я... – начала я.

– Жду вас в кабинете через пять минут, – перебил он.

Глава 4

Я постояла в коридоре, глядя на дверь его кабинета.

«Заведующий терапевтическим отделением Данил Андреевич Бажов». Раньше там висела другая – с именем нашей старой заведующей, Лидия Михайловна, проработала здесь двадцать лет, ушла на пенсию. Её все любили. Она понимала, что медсёстры – тоже люди, что у всех бывает.

А этот...

Я выдохнула. Постучала.

– Войдите.

Голос спокойный, ровный. Без эмоций. Как у робота.

Я открыла дверь и вошла.

Знакомый кабинет сейчас преобразился. Он поменял здесь всё: старый шкаф с картами, диванчик у стены, стол у окна. Заменились на современные, стильные и безликие.

Сам заведующий, Данил Андреевич. Сидел за столом. Он был высоким. Даже сидя это было заметно – широкие плечи, прямая спина. Подтянутый, сухой, жилистый. Такие обычно торчат в спортзалах после работы, потому что дома их никто не ждёт.

На носу – очки в тонкой металлической оправе. Стеклашки бликовали от света лампы, и я не видела его глаз.

Он не предложил сесть. Я сама не села. Стояла перед ним, как провинившаяся школьница перед директором.

Красивым директором, между прочим.

Эта мысль пришла откуда-то из подсознания и тут же вызвала во мне волну злости. Вот именно – красивый. Ухоженный. Дорогой. Такие обычно меняют женщин как перчатки, потому что могут себе позволить. Жены у него наверняка нет – кто выдержит этот ледяной тон? Детей тоже. Откуда ему знать, что у меня сейчас в душе? Сидит тут в своих дорогих очках, будет меня учить жизни.

– Закройте дверь, – сказал он.

Я закрыла.

Он, наконец, поднял на меня глаза.

– Итак, Елена Васильевна, – начал он, откидываясь на спинку кресла. – Вы опоздали на час. В первый же день моей работы в этом отделении. Это что – проверка? Решили посмотреть, как новый заведующий реагирует на нарушителей дисциплины?

– Нет, – сказала я тихо.

– Что – нет? – он чуть наклонил голову.

– Нет, не проверка. Я просто поздала, – признала я. – Простите.

– Простите, – повторил он. – Вы старшая медсестра. На вас держится весь сестринский пост. Вы отвечаете за график, за отчёты, за то, чтобы в восемь утра все были на местах. А вы приходите в девять и говорите «простите».

Я молчала.

Он встал из-за стола.

Вот теперь я поняла, какой он высокий. Наверное, под метр девяносто. Я рядом с ним – как подросток. Он обошёл стол, остановился напротив, скрестил руки на груди. Очки всё так же бликовали, и я не видела выражения его глаз и это ужасно раздражало.

– Я ознакомился с вашим личным делом, – сказал он. – Семь лет в отделении, из них три – старшая медсестра. Характеристики отличные, Лидия Михайловна вас очень хвалила. Ни одного выговора, ни одного опоздания за последние два года. И вдруг – первый же день, на час.

Он сделал паузу.

– Что случилось?

Я сглотнула.

Что случилось? Муж трахнул соседку на моём столе, я выгнала обоих, проплакала всю ночь и проспала. А вы, Данил Андреевич, со своей идеальной рубашкой и очками за тысячу долларов, сейчас будете читать мне мораль о дисциплине.

– Личные обстоятельства, – сказала я вслух.

– Личные обстоятельства, – повторил он. – Конкретнее?

– Не могу сказать.

– Не можете или не хотите?

Я подняла голову.

– Не считаю нужным, – ответила я.

В кабинете повисла тишина.

Он смотрел на меня. Я смотрела в его очки, где-то в коридоре слышались голоса. Обычная больничная жизнь. А здесь, в этом кабинете, время будто застыло.

– Вы считаете, – медленно проговорил он, – что ваши личные обстоятельства – это не моё дело? Что я, как заведующий, не имею права знать, почему мой ключевой сотрудник не вышел на работу вовремя?

– Я вышла на работу, – возразила я. – С опозданием, но вышла.

– На час.

– На час.

Он усмехнулся. Уголок губ дёрнулся.

– Значит, для вас час – это не критично? – спросил он. – А если бы в этот час случилось ЧП? Если бы кому-то из пациентов стало плохо, а старшей медсестры нет на месте? Если бы ваши девочки растерялись? Вы об этом подумали?

Я молчала.

Он сделал шаг ближе. Теперь он стоял совсем рядом – я чувствовала запах его парфюма. Дорогой, сдержанный, какой-то древесный. Не то что Серёжин «Аззаро» из дешёвого магазина.

– Я понимаю, Елена Васильевна, – сказал он тише, – что у людей случаются проблемы. Я не монстр. Но я должен знать, на что могу рассчитывать. Если у вас что-то серьёзное – скажите. Если вам нужен выходной – возьмите. Если вам нужна помощь – я готов обсудить это. Но молчание и опоздания – это не вариант.

Помощь. Какую помощь ты можешь мне предложить, красавчик? Побьёшь мужа? Сделаешь так, чтобы я забыла, как Серёжа вбивался в эту корову на моём столе? устроишь мне быстрый развод?

– Мне не нужна помощь, – сказала я. – И выходной не нужен. Это больше не повторится.

– Вы уверены?

– Уверена.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд. Потом развернулся и сел обратно за стол. Снял очки, протёр их специальной салфеткой. И я, наконец, увидела его глаза.

Серые. Холодные. С лёгкой синевой. Красивые. Слишком красивые для мужчины. И очень, очень внимательные.

Он посмотрел на меня уже без очков, и я почувствовала себя неудобно. Будто он видел не только моё лицо, но и то, что внутри.

– Хорошо, – сказал он, надевая очки обратно. – Я вас услышал. Идите работайте. Но если такое повторится – разговор будет другим. И ещё...вы мне должны. Кофе и новую рубашку.

Я открыла рот, но так и не нашлась что ответить, кроме как спросить.

– Какой кофе предпочитаете?

– Без сахара, Елена Васильевна. И без молока.

Я вышла. В коридоре прислонилась к стене и закрыла глаза. Голова гудела.

Козёл. Самодовольный, холодный, красивый козёл. Без сахара ему, без молока, видите ли. И рубашку ещё новую купи. Облезет и не ровно обрастёт.

Глава 5

Я направилась на пост. Несмотря на выговор и то что творилось в моей жизни работа ждала. Работа всегда ждала. И сегодня это было моим спасением.

– Лен! – Надя подлетела ко мне, едва я появилась. – Ну что? Как он? Уволить грозился?

– Хуже, – буркнула я. – Сказал, что я ему должна. Кофе и новую рубашку.

– Чего-о? – Надька округлила глаза. – Ты ему кофе на рубашку пролила? Ленка, ты чего? Ты же никогда...

– Я знаю, – перебила я. – Надь, давай потом. Мне в седьмую надо, там Ковалёвой капельницу ставить.

Весь день я носилась как заведённая.

Седьмая палата, восьмая палата, процедурная, сделать уколы, забрать анализы, успокоить родственников, ответить на звонок, помочь санитаркам с перестиланием. Я бралась за любую работу. Даже за ту, которую обычно делали интерны. Даже за ту, от которой все отлынивали.

– Лен, ты чего? – спросила снова Надя после обеда, когда я в очередной раз схватила чью-то карту и понеслась в ординаторскую. – Ты за день больше всех сделала. Тебе что торпеда под халат попала. Присядь хоть, поешь.

– Не хочу, – отмахнулась я.

– Лен...

– Надя, отстань, пожалуйста. Не до этого сейчас.

Она вздохнула.

Я знала, что веду себя странно. Знала, что наверно обижаю подругу. Мы с ней дружили уже не один год. Но делиться сейчас тем, что у меня на душе...нет я, пока никому не хотела рассказывать. И я точно знала, если остановлюсь, то начну думать. А думать я не хотела. Потому что в голове сразу всплывала картинка: Света на столе, её ноги на плечах Серёжи, его лицо... И следом – другое лицо. В очках. С холодными серыми глазами.

Я тряхнула головой и понеслась дальше.

Заведующего я избегала как огня. Было в нём что-то такое пугающее. И я не могла объяснить. Я всегда, сколько себя помню, боялась таких мужчин. Им ничего не стоит оскорбить или унижить женщину.

Я выглядывала из-за угла, прежде чем выйти в коридор. Слышала его голос и сворачивала в другую сторону. Два раза видела его издалека – он шёл по коридору с каким-то врачом, что-то обсуждал. Я нырнула в палату и сидела там, пока он не проходил.

Глупо. По-детски. Но я не могла заставить себя снова смотреть в эти бликующие очки.

К вечеру я вымоталась так, что ноги подкашивались.

Уже был восьмой час. Смена почти закончилась. Я сидела в ординаторской, дописывала отчёты. Рука дрожала, буквы плыли перед глазами.

– Лен, – заглянула Надя, – ты домой-то пойдёшь сегодня?

Я подняла голову.

Домой...домой идти не хотелось. Если бы меня попросили сегодня подменить кого-нибудь в ночную смену, я бы согласилась. Но смена уже вся пришла.

– Пойду, – кивнула я.

– Ты точно не хочешь поговорить? – предложила Надька несмело. – Весь день сама не своя.

Я покачала головой.

– Надь, всё хорошо. Правда. Это просто из-за начальства нового.

– Лен...

– Всё нормально.

Она хотела что-то сказать, но махнула рукой и ушла.

Я дописала отчёты, сложила в папку и пошла переодеваться.

Домой. Надо идти домой. Ещё неизвестно, что приготовил мне Серёжа. Если он вернулся домой, мне ещё предстояла каким-то образом выдержать вечер в его обществе.

Я вышла на крыльцо больницы и замерла.

Моросил мелкий снег. Фонари светили тускло, разгоняя вечернюю темень. А на крыльце, прямо передо мной, стоял Серёжа.

С цветами.

Большой букет – розы, красные, наверняка из круглосуточного ларька. Он стоял в своей чёрной куртке, с красным от холода носом, и смотрел на меня.

Я остановилась.

В голове было пусто. Ни одной мысли. Только какая-то противная, липкая пустота и раздражение.

– Лена... – начал он.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я холодно.

– Я пришёл... к любимой жене. Мы поговорить должны.

– Не о чем.

Он шагнул ко мне. Я шагнула назад.

И тогда он опустился на одно колено.

Прямо на мокрое крыльцо, в снег, в грязь. Протянул мне цветы.

– Лена, – сказал он громко. – Я люблю тебя. Ты – моё солнце, моё небо, моя жизнь. Я без тебя не могу. Прости меня, дурака. Давай всё начнём сначала. Я клянусь, я больше никогда...

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё переворачивается.

Солнце. Небо. Жизнь. Боже, как же это звучало глупо и пафосно. Мне стало жарко от стыда.

– Где ты был, когда трахал Свету? – не удержалась от сарказма.

– Лена, ну я же всё объяснил вчера. И Света тоже. Тебя постоянно нет, а она рядом. Я не сдержался. Согласен я дурак. Прости!

– Встань, – сказала я тихо. – Встань с колен. Люди смотрят.

– Пусть смотрят! – заявил он. – Я хочу, чтобы все знали, как я тебя люблю! Лена, я без тебя...

– Встань, Серёжа.

Он не вставал. Стоял на коленях, протягивал цветы, и на нас уже начали оглядываться. Какая-то женщина с сумками замерла, разинув рот. Мужик в кепке остановился покурить.

– Лена, прости! – орал Серёжа на всю улицу. – Я дурак! Я скотина! Но я исправлюсь! Только дай мне шанс!

Я закрыла глаза.

Господи, за что мне это?

И в этот момент дверь больницы позади меня открылась.

Я обернулась.

На крыльцо вышел Данил Андреевич.

В пальто, с портфелем, без очков. Остановился на верхней ступеньке, посмотрел на нас сверху вниз.

На меня. На Серёжу на коленях. На цветы.

Господи, только этого ещё мне не хватало.

Глава 6

Я замерла.

Вот что за злой рок? Из всех людей, которые могли выйти в этот момент из больницы, вышел именно он. Данил Андреевич Бажов. Мой новый начальник. Человек, который сегодня утром отчитал меня за опоздание, а теперь стоял и смотрел, как мой муж ползает передо мной на коленях.

Кошмар. Полный кошмар.

А Серёжа, кажется, даже не заметил, что у него появился ещё один зритель. Он продолжал стоять на коленях в луже, протягивал свои дурацкие розы и вещал:

– Леночка! Родная! Я всё осознал! Я понял, какую ошибку совершил! Ты самое главное в моей жизни! Без тебя я никто! Просто дай мне шанс всё исправить!

Я смотрела на него и чувствовала, как щёки заливают краска.

Стыдно. До одури стыдно. Не за то, что он сделал вчера – это было другое, это была больно. Стыдно было из-за того дешёвого спектакля одного актёра. За эти пафосные слова, которые звучали фальшиво, как искусственные цветы.

– Береснев, прекрати, – прошипела я сквозь зубы. – Люди смотрят.

– Пусть смотрят! – он даже не думал подниматься. – Я хочу, чтобы все знали, как я тебя люблю!

Я покосилась на Данила Андреевича.

Он стоял на верхней ступеньке, всё так же спокойно, с непроницаемым лицом. Смотрел на Серёжу с выражением брезгливости на лице.

Потом он перевёл взгляд на меня.

И я увидела в его глазах вопрос: «Серьёзно?» Один уголок губ дёрнулся – кажется, ему было смешно.

Я отвернулась.

– Лена! – продолжал Береснев. – Ну, прости! Я же люблю тебя! Ты же знаешь!

– Встань, – процедила я сквозь зубы, обращаясь к Серёже. – Немедленно встань.

– Пока ты не простишь – не встану!

Господи. Это какая-то дурная комедия.

– Береснев, – сказала я как можно спокойнее, – если ты сейчас же не встанешь, я вызову охрану.

– Какую охрану? – опешил он.

– Больничную. Ты мешаешь проходу пациентов.

Это была неправда – крыльцо было широким, Серёжа стоял с краю, но он поверил. Засуетился, начал подниматься, отряхивать колени.

– Лена, ну чего ты... Я же с душой пришёл...

– С душой? – я не выдержала. – Ты пришёл сюда, к моей работе, устроить цирк? Показушник! Чтобы все видели, какой ты раскаявшийся? Чтобы я пожалела тебя прилюдно?

– Я хотел как лучше...

– Ты хотел, как лучше? – во мне закипала злость. – А когда ты привёл соседку домой, ты тоже хотел как лучше?

Серёжа поморщился.

– Лена, не надо при всех...

– Ах, при всех нельзя? – я уже не контролировала себя. – А при всех на коленях стоять можно? А орать на всю улицу про солнце и небо – можно?

Я почувствовала, что задыхаюсь. Стало даже всё равно на заведующего. Хочет смотреть на наши разборки? Пусть смотрит. Раз такта не хватает уйти.

– Лена... – Серёжа протянул ко мне руки.

– Не трогай меня, – я отступила назад и наткнулась спиной на что-то твёрдое.

Дальше отступать было некуда.

– Елена Васильевна, – раздался голос надо мной.

Я обернулась. То твёрдое, во что я упёрлась, оказался Данил Андреевич.

– Вам помочь? – спросил он спокойно.

Я смотрела на него и не знала, что ответить.

Помочь? Чем ты можешь мне помочь? Увести мужа? Забрать его с собой? Сделать так, чтобы я забыла эту ночь?

– Не надо, – сказала я. – Я сама.

– Это ваш муж? – он кивнул на Серёжу.

– Да. Но мы разводимся, – вырвалось у меня.

Серёжа дёрнулся, как от пощёчины.

– Как это бывший? Лена, мы женаты! Мы семь лет...

– Семь лет, – перебила я. – И ты всё разрушил за один день.

– Знаете, что, – вдруг сказал Данил Андреевич, обращаясь к Серёже, – здесь больница. Если у вас семейные дела – решайте их не на крыльце, а дома.

Серёжа опешил.

– А вы вообще кто? – спросил он нагло. – Чтобы мне указывать?

– Я заведующий терапевтическим отделением, – спокойно ответил Данил Андреевич. – И Елена Васильевна – моя сотрудница. Я отвечаю за её состояние на рабочем месте. А сейчас она не в том состоянии, чтобы вести с вами диалог.

Серёжа открыл рот, закрыл. Посмотрел на меня, на него, опять на меня.

– Лена, ты чего? Ты ему пожаловалась? Он из-за этого вышел?

– Она мне не жаловалась, – ответил за меня Данил Андреевич. – Я вышел по своим делам.

Но теперь, раз уж я здесь, позвольте дать вам совет: если вы хотите вернуть жену, не нужно устраивать публичные сцены на её работе. Это только унижает её. И вас заодно.

Серёжа побагровел.

– Ты... ты... Да кто ты такой, чтобы...

– Я тот, кто сейчас вызовет охрану, если вы не уйдёте, – перебил его Данил Андреевич. Голос оставался спокойным, но в нём появились стальные нотки. – Елена Васильевна устала после смены. Ей нужно домой отдыхать. И она дала вам ясно понять, что разговаривать с вами она не хочет. Так что уходите.

Серёжа стоял, переминаясь с ноги на ногу. Букет в его руках поник – розы намокли под снегом.

– Лена... – позвал он жалобно, будто ещё надеялся, что я одумаюсь и вернусь к нему.

– Уходи, – сказала я. – Пожалуйста. Просто уходи.

Он посмотрел на меня. Потом на Данила Андреевича. В его глазах мелькнула догадка.

– Я понял, – сказал он. – Ты уже нашла мне замену? Быстро. А ещё меня в чём-то обвиняешь.

– Что? – я опешила.

– Да ладно, – он криво усмехнулся. – Новый заведующий, красивый, при должности. Ты ж всегда на таких заглядывалась. Я думал, ты устаёшь, а ты, оказывается... романы тут крутила. Поэтому и задерживалась на работе. Сука!

– Заткнись, – выдохнула я. – Заткнись немедленно.

– Пошли вы оба, – Серёжа швырнул цветы под ноги и развернулся.

Он пошёл прочь, в темноту, и через несколько секунд исчез за поворотом.

Глава 7

Я смотрела вслед Серёже, пока он не скрылся за поворотом.

Снег всё падал. Розы валялись в грязи.

Где-то вдалеке шумели машины и слышался женский смех из остановочного павильона.

– Елена Васильевна, – раздался голос за спиной.

Я вздрогнула. Совсем забыла, что он здесь. Стоит на крыльце, смотрит на меня. Как же неловко всё получилось. Чёртов Береснев с его любовью к драме. Дурак! Самый настоящий дурак.

– Вы в порядке? – спросил Данил Андреевич.

Я обернулась.

Он стоял без очков, в расстёгнутом пальто, и выглядел... почти как нормальный человек, а не как грозный начальник. Красивый, да. Но сейчас это почему-то не бесило.

– Всё нормально, – ответила я глухо. – Спасибо. За помощь. Но не стоило.

– Стоило, – сказал он просто.

Я не знала, что на это ответить.

Повисла неловкая пауза. Он смотрел на меня, я смотрела в сторону. В голове было пусто и одновременно шумело столько мыслей, что я боялась, что они выплеснутся наружу.

– Я... мне пора, – сказала я, пятясь к ступенькам. – Автобус скоро.

– Елена Васильевна, – остановил он меня. – Вы точно в порядке? Может, вас подвезти? Или такси вызвать?

– Нет! – вырвалось у меня резко. – То есть... нет, спасибо. Я сама. Всё хорошо. Правда.

Он посмотрел на меня с сомнением. Я видела, что он хочет что-то добавить, но не хотела это слышать. Не сейчас.

– Спокойной ночи, Данил Андреевич, – быстро сказала я и сбежала вниз по ступенькам не оборачиваясь.

– До завтра, – донеслось мне вслед.

Шла быстро, почти бежала, только чтобы скрыться за углом. Чтобы он не видел моего лица и не пришлось ничего объяснять.

Завернула за больницу, остановилась, прижалась спиной к холодной стене.

Сердце бухало в груди, отдаваясь пульсацией в висках.

Что это было? Зачем он вмешался? Прошёл бы мимо, и мне не было бы сейчас так стыдно?

Я тряхнула головой. Заставила себя отлепиться от стены и пошла на остановку. Но не на ту, куда ходила обычно, а на другую – подальше, в обход. Чтобы точно не встретиться с ним ещё раз.

Остановка была пустая. Холодная скамейка, облепленная рекламой, тусклый фонарь, мусорка с переполненной урной. Я села на лавочку, достала телефон. Сообщений не было, Серёжа молчал, оно и лучше.

Через десять минут подошёл автобус. Я зашла, приложила карточку, села у окна.

Автобус тронулся.

Я смотрела в стекло, за которым мелькали огни, и только через пять минут сообразила, что мы едем не туда.

Чёрт.

И только когда автобус тронулся, я поняла – это не мой маршрут.

Я же села на двадцать шестой. А он идёт в объезд, через промзону. Я не ездила этим маршрутом года два, с тех пор как открыли новый маршрут от больницы. И совсем забыла, что двадцать шестой делает огромный крюк.

Я закрыла глаза.

Ну конечно, чего ещё можно ожидать от такого дня – день, когда всё идёт не так. Потому что вселенная решила надо мной поиздеваться.

Автобус тащился через какие-то тёмные улицы, мимо складов и гаражей. Останавливался на каждой остановке. Впускал бабушек с сумками, подростков с рюкзаками, уставших рабочих. Я смотрела в окно и считала минуты. Пятнадцать. Двадцать. Тридцать.

Через час с лишним автобус, наконец, дополз до моей остановки. Я выскочила, чуть не упав на скользком асфальте, и засеменила к дому по застывшему льду.

Скорее домой. Заварить кофе, закутаться в плед, включить какую-нибудь глупую мелодраму, где всё заканчивается хорошо. И забыться. Хотя бы на пару часов забыть, что существует Серёжа, Света, новый заведующий и мой позор.

Я влетела в подъезд, поднялась на третий этаж, достала ключи.

Сунула ключ в замок.

Повернула.

Ключ провернулся, но дверь не открылась.

Я нахмурилась. Попробовала ещё раз и ещё.

Замок щёлкал, но дверь не поддавалась, потому что было заперто изнутри.

– Что за... – прошептала я.

Я постучала. Тишина.

Позвонила в звонок. Тишина.

Я прижалась ухом к двери и услышала шаги. Кто-то ходил по комнате.

– Серёжа! – закричала я. – Открой дверь!

И снова тишина.

Я заколотила кулаками.

– Береснев! Я знаю, что ты там! Открой немедленно!

И опять игнор полный. Вот козёл! Просто козёл!

Я никогда не ругалась матом и сейчас даже пожалела, что не могу обложить его трёхэтажным матом. Слишком во мне много воспитанности. Так, что делать? Меня прошиб пот от страха, что придётся сидеть перед дверью всю ночь. Что я ещё могу сделать? Задавала я себе вопросы, чтобы не поддаться панике.

Я достала телефон. Набрала его номер.

Гудок. Гудок. Гудок.

Сбросил.

Я набрала снова. Снова сброс.

Написала в мессенджер: «Открой дверь. Это моя квартира тоже».

Прочитано. Молчание.

Не раз слышала, что во время развода из мужчин вылезает такое говно, которого и не ожидала бы никогда. А сейчас вот удостоверилась. Разве я могла подумать, что мой такой душевный муж, такой понимающий может вот хладнокровно не пускать меня домой?

Я стояла на лестничной клетке, сжимая телефон, и чувствовала, как внутри закипает новая волна злости.

Пнула дверь ногой. Больно. Бесполезно.

– Серёжа, открой, или я вызову полицию! – крикнула я.

Тишина.

Я смотрела на дверь и понимала, что полицию вызывать бесполезно. Они даже разговаривать не будут скажут: скандал семейный, разбирайтесь сами. Месяц назад сосед жену гонял по подъезду, в дом не пускал, так полиция приехала только вечером, когда уже все утомонились.

Я постучала ещё раз.

– Серёжа, пожалуйста... Я устала. Я хочу спать. Открой.

Тишина.

Я сползла по стене на корточки.

Села прямо на холодный пол, обхватила голову руками.

Вот и всё. Вот я и дома.

Только попасть внутрь не могу.

Идти к Надьке? Я сунула руку в карман, там было 200 руб., на такси не хватит. Мобильный интернет не работал уже полгода, наш дом находился недалеко от автовокзала и связь глушили.

Я достала телефон. Посмотрела на экран. Половина одиннадцатого.

Снова набрала, и он снова сбросил вызов.

Я набрала снова – абонент недоступен.

Заблокировал.

Хотелось просто разрыдаться от обиды и злости и этой вселенской несправедливости. Он ведь специально это сделал, чтобы я приползла к нему. Наказать решил, только за что? Это ведь не я ему изменила, а он мне.

Глава 8

Я сидела на холодном полу, обхватив голову руками, и пыталась не разреветься.

Идиотка. Какая же я идиотка. Вышла замуж в девятнадцать, семь лет прожила с человеком и даже не представляла, на что он способен. Думала, знаю его. Думала, он добрый и что любит меня.

А он просто ждал удобного момента, чтобы показать своё истинное лицо.

Щелчок.

Я подняла голову.

Дверь открылась.

Серёжа стоял на пороге, скрестив руки на груди, опершись плечом о дверной косяк. Смотрел на меня сверху вниз с каким-то новым самодовольным выражением.

– Ну и чего ты там сидишь? – спросил он.

Я встала. Колени хрустнули, ноги затекли от долгого сидения.

– В смысле – чего сижу? – мой голос дрожал. – Я пришла домой. В нашу квартиру. Которую мы семь лет вместе оплачиваем. А ты меня не пускаешь.

– Так, у тебя же новый хахаль, – он усмехнулся. – Вот и иди к нему. Я же ночевал одну ночь у Светы. Теперь твоя очередь.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

– Ты вообще совсем головой поехал? – выдохнула я. – Ты сам придумал эту историю и сам же поверил?

– А что тебе не нравится? – он наклонил голову, разглядывая меня, как насекомое. – Когда тебе не верят – обидно, да? Вот и мне тоже не понравилось.

– Так, я тебя со спущенными штанами застала, – напомнила я, всё больше охреневая от его наглости. – Это ведь не мои домыслы. Я это видела. Своими глазами. Ты привёл любовницу в нашу квартиру!

Он поморщился.

– Я тоже видел, как этот щёголь заступился за тебя, – процедил он. – Выбежал, как рыцарь на белом коне. Это достаточно, чтобы понять: не просто так он это сделал.

– Он мой начальник, – сказала я. – Он просто вышел с работы.

– Ага, конечно. Я видел, как он на тебя смотрел.

– Ты ничего не видел! – во мне закипала злость. – Ты вообще ничего не видишь, кроме своего члена!

Я шагнула вперёд, толкнула его в грудь.

– Дай пройти. Я хочу домой. В свою квартиру.

Он даже не сдвинулся, только усмешка стала шире.

– Сначала извинись, – сказал он.

Я замерла.

– Что?

– Извинись, – повторил он медленно, смакуя каждое слово. – Скажи, что была неправа. Что наговорила лишнего. Что простишь меня и мы начнём всё сначала. Тогда войдёшь.

Я смотрела на него и чувствовала, что от состояния аффекта меня отделяет один шаг.

– Я не буду извиняться, – сказала я. – Мне не за что.

– Значит, не войдёшь.

– Ты не имеешь права! Это моя квартира тоже!

– Имею, – перебил он. – Пока мы в браке – имею. Ипотека общая, квартира общая, права равные. И я имею полное право не пускать тебя, пока не посчитаю нужным.

– Это незаконно! – закричала я.

– А ты в полицию позвони, – усмехнулся он. – Расскажи им, что муж не пускает. Они приедут, посмеются и уедут. Семейная ссора, никто разбираться не будет.

– И вызову, – ответила я.

– Вызывай.

– И вызову!

Я достала телефон. Начала набирать – пальцы дрожали, цифры плыли перед глазами.

– Вызывай, – повторил он, и в голосе появились насмешливые нотки. – Посмотрим, что они скажут.

Я нажала вызов.

И в этот момент он выхватил телефон у меня из рук.

– Эй! – закричала я. – Отдай!

Но было поздно.

Телефон пролетел через всю лестничную площадку, ударился о противоположную стену, упал на ступени и с противным стуком покатился вниз, подпрыгивая на каждой ступеньке.

– Что ты сделал? – прошептала я. – Это мой телефон.

– Я не виноват, – пожал плечами Серёжа. – Что у тебя руки кривые, раз ты его выронила.

– Ты...

Договорить я не успела.

С нижнего этажа распахнулась дверь. Выснулась соседка – тётя Зина, пожилая, вечно всем недовольная женщина.

– Вы там совсем с ума посходили? – заорала она. – Людям спать мешаете! Полночь на носу! Я участковому позвоню!

– Заткнись, старая! – рявкнул Серёжа. – Сиди у себя, не вылезай!

– Хулиганё! – тётя Зина погрозила кулаком.

Я рванула к перилам, перегнулась вниз:

– Тётя Зина! Вызовите полицию! Пожалуйста!

И в ту же секунду рука Серёжи зажала мне рот.

– Тихо, – прошипел он мне в ухо. – Хватит орать.

Я попыталась вырваться, ударить его, укусить – бесполезно. Он был сильнее. Я даже пискнуть не успела, как он втащил меня в квартиру и захлопнул дверь ногой.

– Будешь орать – хуже будет, – сказал он. – Поняла?

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Я не узнавала этого человека.

Куда делся тот Серёжа, который боялся сделать мне больно в постели? Который приносил завтрак по выходным? Который говорил, что я его солнце?

Он превратился в чужого, озлобленного мужика.

– Кивни, если поняла, – приказал он.

Я кивнула.

Он убрал руку.

Я втянула воздух, хватая ртом, и первое, что вырвалось:

– Ты псих!

– А ты дура, – ответил он. – Строишь из себя невинность, а сама на работе с другим трахаешься.

– Не суди по себе! – процедила я. – Он мой начальник! Я вообще первый раз его сегодня увидела!

– Ага, рассказывай.

– Серёжа, очнись!

– А кто всё время на работе пропадал? Кто домой приходил, когда я уже спал? Кто вечно уставал и не давал мне? Как не подойду, то у тебя грудь болит, то голова, то ноги, – он шагнул ко мне, и я вжалась в стену.

– Я работала! – заорала я. – Чтобы у нас были деньги! Чтобы мы могли платить ипотеку! Чтобы ты не курьером, а менеджером стал! Чтобы у нас было будущее!

– Мне не нужна была твоя работа, – сказал он. – Мне нужна была жена. А ты выбрала карьеру.

– Я...

Я замолчала.

Спорить было бесполезно. Он всё перевернул. Он нашёл способ сделать меня виноватой. И, кажется, сам в это поверил.

– Раздевайся, – вдруг сказал он.

Я замерла.

– Что?

– Раздевайся, – повторил он. – Иди в душ. Спать ложись. Завтра на работу, ты же у нас трудоголик.

– Ты... ты меня не тронешь?

Он усмехнулся. Криво, зло.

– Не бойся. Ты сейчас такая страшная с этими красными глазами – у меня и не встанет.

Иди. Завтра поговорим.

Он отступил, пропуская меня в коридор.

Я прошла, стараясь держаться подальше. Зашла в ванную, закрыла дверь на щеколду.

Села на край ванны и закрыла лицо руками.

Я не знала, как дальше жить.

Наша квартира. Наша с ним. Которую мы выбирали вместе. Где мы собирались растить детей. Где я вешала эти шторы, а он собирал этот шкаф.

А теперь я боюсь здесь находиться.

Телефон валялся где-то на лестнице. Связи нет. Помощи нет. Соседка полицию так и не вызвала. Она только ругаться могла, да кулаком грозить, а на деле сдувалась.

Я включила воду. Ополоснула лицо. Раздеваться не хотелось, было страшно. О домашнем насилии я была не только наслышана, но и видела наших пациенток, которые периодически попадали к нам в отделение.

Ночью я почти не спала.

Лежала на краю кровати, прислушиваясь к каждому шороху. Серёжа сопел на своей половине. Удивительно, как некоторые люди могут спокойно спать и не даже не терзаться муками совести.

Я смотрела в потолок и думала.

Квартира. Ипотека. Семь лет выплат. Половина – моя. Я не могу просто уйти. Не могу бросить всё, что мы нажили. Но и оставаться здесь с ним тоже не могу. Я знаю, что люди даже после развода живут годами вместе, не желая делить имущество. Но сейчас я готова была сбежать отсюда, если бы было куда.

Я зажмурилась.

Утром надо сходить подать на развод. Завтра смена в ночь. День свободный.

А ещё надо найти телефон. Или купить новый. Только денег нет. До зарплаты ещё неделя. Мысли путались. Одна проблема превращалась в следующую, как снежный ком.

Только под утро я провалилась в тяжёлый, беспокойный сон.

Разбудил меня звонок в дверь. Сначала я не хотела вставать, но гость был очень настойчивым. Он продолжал и продолжал звонить. Сергей, видимо, ушёл на работу. Я всё-таки заста-

вила себя встать, накинула халат, и пошла открывать дверь. Тело всё ломило, голова болела. Я повернула замок и открыла дверь.

На пороге стоял Данил Андреевич.

Глава 9

Я замерла на пороге, вцепившись в дверную ручку.

На меня смотрел Данил Андреевич.

В пальто, без шапки, с лёгким румянцем на щеках от мороза. Очки в тонкой оправе, за ними – серые глаза, которые сейчас казались почти прозрачными. Он стоял на моей лестничной клетке, в моём обшарпанном подъезде, и выглядел так же неуместно, как если бы сюда залетела райская птица.

– Елена Васильевна, – сказал он. – Доброе утро.

Я моргнула.

– Данил Андреевич? – голос хриплый, спросонья. – Вы... что вы здесь делаете?

– Вы трубку не брали, – ответил он просто. – Приехал проверить, всё ли в порядке.

Я смотрела на него и не могла собрать мысли в кучу.

Он приехал ко мне домой, потому что я не брала трубку. Уму непостижимо. Разве такое бывает? Потому что вчера видел тот цирк на крыльце. Потому что... потому что? Что? Волновался?

– Всё хорошо, – сказала я на автомате. – Всё нормально.

Он чуть приподнял бровь. Посмотрел на меня – заспанную, в халате, лохматую. Я была уверена, что выгляжу сейчас не лучшим образом.

– Выглядишь не очень, – подтвердил он мои мысли. – Но если говоришь, что хорошо...

– Правда, – я попыталась улыбнуться. – Всё хорошо. Просто телефон... упал вчера. Разбился.

– Упал? – переспросил он.

Я кивнула.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд, потом вдруг шагнул вперёд.

– Можно?

Я отступила, пропуская его в прихожую. Сама не поняла, зачем впустила. Наверное, растерялась.

Он вошёл, огляделся. Прихожая сразу стала казаться ещё меньше. Высокий, широкоплечий, он заполнял собой всё пространство.

– Значит, спасти вас не надо? – спросил он, оборачиваясь.

– Нет, – ответила я. – Не надо.

– И где ваш недороженный актёр? – спросил он вдруг.

Я вздрогнула.

– Если вы про мужа, то он на работу уехал, – ответила я.

Он кивнул и снова посмотрел на меня ледяным, пронзительным взглядом, от которого по коже бежали мурашки. Я обхватила себя руками, хотя в квартире было тепло.

– Так может, это он вам телефон разбил? – спросил Данил Андреевич.

Я вскинула голову.

Как он догадался? Просто прочитал по лицу? Или видит меня насквозь?

Я пожала плечами. Молча. Потому что врать не хотелось, а правду говорить было стыдно.

Он смотрел на меня и ждал ответа.

– Лена, – сказал он тихо. – Я понимаю, что для вас я абсолютно посторонний человек. Но всё же хочу сказать. Если ваш муж вас обижает, если он поднимает на вас руку или делает что-то подобное – вы не должны это терпеть. Вы понимаете?

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри становится невыносимо больно от того, что посторонний человек это понимает, а родной и близкий человек – нет.

Он ведь не должен находиться сейчас здесь. Но зачем-то приехал. Да и как объяснить человеку, у которого всё в жизни хорошо, каково это – стоять на лестнице ночью, когда твой собственный муж не пускает тебя в твою же квартиру?

– Я понимаю. И не собираюсь терпеть, – ответила я, с трудом сглотнув ком в горле. – Сейчас как раз собиралась в ЗАГС и в полицию пойти.

Он чуть заметно кивнул.

– Это хорошо. Могу подвезти вас, – сказал он. – И быть свидетелем, если надо.

Я опешила.

– Что?

– Подвезти, – повторил он. – У меня машина внизу.

Я смотрела на него и не знала, что ответить.

– Спасибо вам, конечно, – начала я осторожно. – Но я не понимаю, почему такое внимание ко мне?

– А было бы лучше, чтобы я остался в стороне и не приехал вас проверить? – спросил он.

Я пожала плечами.

– Ну... так бы сделали все остальные.

– Ну, я не все, – сказал он просто. – Давайте собирайтесь. Времени у нас не так много, если хотите сегодня успеть.

Я стояла и смотрела на него.

Он не уходил. Ждал. Спокойно, терпеливо, будто у него весь день свободен.

– Я... – начала я. – Мне одеться надо. И...

– Я подожду, – перебил он.

Я кивнула и ушла в комнату.

Закрyla дверь, прислонилась к ней спиной.

Что происходит? Почему он здесь? Зачем ему это?

Я посмотрела на себя в зеркало – растрёпанная, бледная, в старом халате. Глаза красные, губы припухшие. Красавица, одним словом.

Быстро натянула джинсы, свитер, зачесала волосы в хвост. Умылась холодной водой – хоть немного прийти в себя.

Странное состояние было внутри. Я не чувствовала, что всё это реально. Будто снился сон. Кошмар. И я никак не могла проснуться. Пощипала себя за щёки на всякий случай, а вдруг проснусь и всё нормально. И не было никакой измены, и Серёжа не превратился в монстра, и в коридоре не стоит мой начальник, готовый везти меня в ЗАГС подавать на развод. Боль была вполне реальной.

А когда вышла.

Данил Андреевич всё ещё стоял в прихожей и рассматривал наши фотографии на стене. Мы с Серёжей на море, мы на свадьбе, мы с тортом в день рождения.

– Готовы? – спросил он оборачиваясь.

– Да, – сказала я.

Он открыл дверь. Пропустил меня вперёд.

Я вышла на лестницу и вдруг вспомнила про телефон. Посмотрела вниз – он так и лежал на второй ступеньке, разбитый, с треснутым экраном.

– Это он? – спросил Данил Андреевич.

Я кивнула.

Он спустился, поднял телефон, посмотрел на него. Экран был разбит вдребезги, корпус треснул.

– Позже купите новый, – сказал он, убирая телефон в карман. – Сейчас поехали.

Мы спустились вниз, вышли из подъезда. У крыльца стояла чёрная машина – дорогой седан, иномарка.

Данил Андреевич открыл передо мной дверь.
Я села.

В салоне было тепло, пахло кофе. На панели стоял стаканчик с напитком – видимо, он купил по дороге. Рядом лежали какие-то бумаги, стетоскоп, ещё один стаканчик – пустой.

Данил Андреевич сел за руль, завёл двигатель. Посмотрел на меня.

– Пристегнись, – сказал он.

Я послушно потянула ремень. Руки дрожали, пряжка никак не хотела застёгиваться.

– Дай сюда, – он взял ремень из моих рук, застегнул сам. Быстро, ловко, почти не касаясь меня.

Машина тронулась.

Я смотрела в окно на серое небо, на голые деревья. Люди шли в магазины, выгуливали собак, везли коляски. Обычный день. Нормальная жизнь.

А моя жизнь летела под откос.

– Куда сначала? – спросил Данил Андреевич. – В ЗАГС или в полицию?

Я задумалась.

– В полицию, – сказала я. – Наверное. Чтобы заявление на него написать. За порчу имущества и... и за то, что не пускал домой.

– Уверена? – уточнил он.

– Да, – ответила я. – Хочу, чтобы он знал, что я просто так это не оставлю.

Он кивнул.

– Хорошо. Тогда в отдел на Октябрьской. Там нормальные ребята.

– Откуда вы знаете? – спросила я.

– Я здесь не первый год живу, Лена, – усмехнулся он.

Я посмотрела на него.

– Странно, что раньше не встречались.

– Встречались, – сказал он спокойно. – Два года назад на конференции в областной больнице. Ты выступала с докладом о сестринском уходе за лежачими больными. Я сидел в третьем ряду.

Я моргнула.

– Вы были там?

– Был. И запомнил тебя. Хороший доклад. Уверенный, без бумажки. Ты тогда ещё в очках была, в строгом костюме. И волосы убраны в пучок.

Я молчала, переваривая информацию.

Он меня запомнил. Два года назад. А я его – нет.

Глава 10

Он меня запомнил. Два года назад. На конференции.

А я даже не посмотрела в его сторону. Потому что тогда у меня был Серёжа, была работа, была иллюзия счастливой жизни. Зачем мне были какие-то незнакомые мужчины?

– Приехали, – сказал Данил Андреевич, останавливаясь у серого здания.

Я вышла из машины, пошла внутрь.

В отделе было душно и пахло казёнщиной. Очередь из трёх человек, уставшие лица, плакаты на стенах.

Я просидела полчаса, прежде чем меня приняли.

Молодой лейтенант с голубыми глазами и щербинкой между зубов, слушал мою историю с каменным лицом.

– Значит, муж не пустил в квартиру, телефон разбил, – резюмировал он и подвинул мне бланк.

– Пишите заявление. Но сразу скажу – скорее всего, разбирать не будут торопиться. Семейная ссора, первый раз, телесных повреждений нет. Максимум – штраф за мелкое хулиганство.

– Я знаю, – сказала я. – Но пусть останется. Чтобы знал, что я молчать и терпеть не буду.

Я писала заявление, и руки снова дрожали. Каждое слово давалось с трудом. «Прошу привлечь к ответственности... в результате конфликта... разбил телефон... не пускал в квартиру...»

Когда вышла на крыльцо, прошло уже больше часа.

Чёрная машина стояла на том же месте. Данил Андреевич сидел внутри, читал что-то в телефоне. Увидел меня, вышел, открыл дверь.

– Как прошло?

– Написала, – сказала я. – Дальше – отказ, скорее всего.

– Это ничего, – ответил он. – Главное – начало. Теперь в ЗАГС?

– Да.

ЗАГС находился в центре, в старом здании с колоннами. Мы припарковались напротив, и я смотрела на эти колонны и вспоминала, как семь лет назад поднималась по этим же ступенькам в белом платье, с цветами в руках, счастливая и глупая.

Данил Андреевич снова остался в машине. Я сама его об этом попросила. И так, мотается со мной по городу.

В холле было пусто. Я подошла к окошку, за которым сидела женщина в сером костюме.

– Здравствуйте, я хочу подать на развод, – сказала я.

Она посмотрела на меня поверх очков.

– Заявление можете подать. Но сначала надо оплатить госпошлину. Пять тысяч рублей.

Я замерла.

– Что?

– Госпошлина, – повторила она терпеливо. – Пять тысяч с каждого. Развод через ЗАГС, если оба согласны.

Я смотрела на неё и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Пять тысяч. Я никогда не интересовалась процессом, как проходит развод. Ну не было у меня даже мыслей об этом. Почему, если я хочу развестись ещё и должна заплатить. Эта новость совсем не укладывалась в голове. Ещё и оба должны платить. Я то ладно, заплачу. А вот Сергей – вряд ли.

У меня на карте было две тысячи рублей – на проезд и поесть. До зарплаты ещё неделя.

– А если муж не согласен? – спросила я.

– Тогда только через суд, – кивнула женщина. – Но госпошлину всё равно платить. И заявление подавать по месту жительства.

Я слушала и чувствовала, как внутри всё опускается.

Деньги. Опять всё упирается в деньги.

– Спасибо, – сказала я. – Я подумаю.

Вышла из ЗАГСа.

На крыльце остановилась, вдохнула холодный воздух.

Данил Андреевич стоял у машины, опираясь на капот. Увидел меня, нахмурился.

– Что-то вы быстро, – сказал он подходя.

Я покачала головой.

– Не смогла подать.

– Почему?

Я пожалала плечами. Говорить об этом было стыдно. Стыдно признаваться, что у тебя нет пяти тысяч. Что ты взрослая женщина, старшая медсестра, а не можешь позволить себе развестись.

– Лена, – он взял меня за локоть. – Что случилось?

– Госпошлина, – выдавила я. – Пять тысяч. А у меня до зарплаты ещё неделя. И вообще... я не знала, что за развод надо платить. Глупо, да? Взрослый человек, а не знает таких вещей.

Он смотрел на меня, и в его глазах не было осуждения.

– Это не глупо, – сказал он. – Просто ты никогда не сталкивалась.

– И ещё, – продолжила я, – если через ЗАГС, то нужно согласие обеих сторон. А Серёжа... он вряд ли согласится. Он вчера вообще говорил, что я к нему вернусь. Так что только через суд. А это ещё дольше, и опять пошлина...

Я замолчала, потому что голос начал срываться.

Данил Андреевич стоял рядом и слушал.

– Я оплачу, – сказал он просто.

Я замерла.

– Что?

– Я оплачу, – повторил он. – Поехали в суд.

– Нет, – я отшатнулась. – Нет. Я не могу. Я и так вам должна. Вы приехали, вы ждали, вы... я не хочу быть должной.

– Это не долг, Лена, – сказал он тихо. – Воспринимай это как помощь коллеги. Или как подарок на новую жизнь. Хочешь – отдашь, когда сможешь. Не хочешь – не отдавай.

– Я не люблю быть должной, – упрямо сказала я.

– А я не люблю, когда люди, которым можно помочь, отказываются из гордости, – ответил он. – Поехали. Время идёт.

Я смотрела на него и не знала, что сказать.

Он открыл дверь машины.

– Садись.

Я села.

В суде было ещё более уныло, чем в полиции. Очереди, апатичные люди, запах бумаги и гул тихих голосов.

Данил Андреевич оплатил пошлину через терминал в холле.

Потом мы подошли к окошку, и я объяснила ситуацию девушке в форме.

– Заявление на развод? – спросила она. – Документы принесли?

Я растерялась.

– Какие документы?

– Паспорт, свидетельство о браке, квитанция об оплате, – перечислила она. – И если есть дети – свидетельства о рождении.

– Детей нет, – сказала я. – Документы с собой.

Данил Андреевич стоял рядом и молчал. Не вмешивался, но я чувствовала его присутствие как опору.

– Давайте, – сказала она. – Пишите заявление.

Я писала и чувствовала, как дрожит рука.

– Ждите повестку, – сказала девушка, принимая заявление. – Через месяц примерно будет заседание. Если муж не явится, разведут без него. Если будет спорить – дольше.

– Спасибо, – выдохнула я.

Вышла из суда, на крыльце остановилась, вдохнула холодный воздух.

Свобода. Почти.

Данил Андреевич стоял у машины, грел руки в карманах. Увидел меня, улыбнулся.

– Получилось?

– Получилось, – сказала я. – Спасибо вам. Я не знаю, как...

– Не надо, – перебил он. – Рад был помочь. Куда теперь? Домой?

– Наверное, – сказала я. – Надо вещи собрать. И уйти.

– Есть куда?

– Нет, – призналась я. – Но что-нибудь придумаю.

Он посмотрел на меня внимательно.

– Лена, – сказал он. – Я понимаю, что мы мало знакомы. Но у меня есть свободная комната. Если тебе некуда идти...

– Нет, – перебила я. – Спасибо. Но нет.

– Почему?

– Потому что... – я замолчала, подбирая слова. – Потому что вы и так слишком много для меня сделали. Я не хочу быть обузой.

– Ты не будешь обузой. Или лучше жить с мужем, который будет тебе опять нервы трепать?

Я представила себе ещё один вечер в компании Сергея, и что-то так тошно стало, что я решила согласиться. Вопреки своим принципам и голосу рассудка.

– На пару дней, – кивнула я. – Потом я съеду.

Он кивнул. Не стал спорить.

– Тогда поехали, отвезу домой, соберёшь вещи.

Всю дорогу я молчала и смотрела в окно. В голове было пусто и одновременно тесно от мыслей. Я согласилась принять помощь своего начальника, и от этого в груди неприятно сжималось сердце.

Что я творю?

Но стоило представить возвращение в пустую квартиру, где каждая вещь напоминает о Сергее и его измене.

На пару дней, – твердила я себе. – Только на пару дней. Пока не придумаю, что делать дальше.

Машина остановилась у моего подъезда.

– Я поднимусь с тобой, – сказал Данил Андреевич. – Помогу собрать вещи. И чтобы он не пришёл внезапно.

Я хотела отказаться, но передумала. Вдруг Серёжа вернулся? Вдруг он там, ждёт меня?

– Хорошо, – сказала я.

Мы вышли из машины. Я направилась к подъезду, он – за мной.

И в этот момент я увидела мужчину в военной форме. Он шёл к подъезду, и я узнала его сразу – это был сосед, Светин муж.

Виктор.

Мы иногда сталкивались в лифте, здоровались, но разговаривали редко. Он всегда был в разъездах, Света вечно жаловалась, что муж очень замкнутый и молчаливый. А я ей сочувствовала. Дура.

Он тоже узнал меня.

– Здравствуй, Лена, – кивнул он притормаживая. – Давно не виделись.

– Здравствуйте, Виктор, – ответила я.

Он перевёл взгляд на Данила Андреевича, нахмурился чуть-чуть, но ничего не сказал.

– А я вот вернулся, – сказал он улыбувшись. – Три недели в командировке, сил нет. Домой хочу, к Светке. Соскучился. Она там не чудила без меня?

Он сказал это с такой теплотой, с такой искренней доверчивостью, что у меня внутри защемило. Вот ведь есть мужчины, который искренне любят своих жён.

А его Светка, которая два дня назад лежала на моём столе с раздвинутыми ногами и стонала пол моим мужем, не заслуживала такого мужа.

Я смотрела на него и не знала, что сказать.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.